

УДК 101.1+165.74

*А.Б. Макаров**

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ НАУКИ, ЕЕ ПРИОРИТЕТЕ И ПРЕРОГАТИВАХ**

Рассмотрены основные точки зрения по проблеме связи кризиса науки с кризисом культуры. Показано, что утверждения о кризисе естествознания не обоснованны, а требование научного доказательства преимуществ науки перед другими когнитивными практиками логически некорректно. Приоритет науки определяется и одновременно ограничивается ее собственными идеалами и нормами. Прерогативы науки в качестве основания экономического и социального развития современной цивилизации не навязаны обществу извне, а являются его историческим выбором.

Ключевые слова: кризис науки, приоритет науки, прерогативы науки, самоограничение науки, ценности науки.

Тема кризиса науки и связанного с ним кризиса европейской культуры, очевидных по мнению многих авторов, широко представлена в современной философской литературе, что, безусловно, оправдывается ее актуальностью и многоаспектностью. В данной работе нас будет интересовать прежде всего ее эпистемологическая и общесоциальная составляющие. В первом случае речь идет о сущности и специфике научного познания, определяющих оправданность (или неоправданность) презумпции ее фундаментальной ценности для человечества. Во втором — о соответствующем ее «природе», культуропорождающей роли и функциям месте, которое она вправе и должна занимать в жизни современного общества. Все же по логике дискуссии и расставляемым акцентам начать, наверное, лучше с рассмотрения утверждения, что именно кризис естествознания, вызванный исходными установками естественнонаучного мышления, является причиной деструктивных тенденций, угрожающих гуманитарному знанию и европейской культуре в целом.

С самого начала XX века эти вопросы находились в центре внимания Э. Гуссерля. Итоги размышлений были подведены в работе «Кризис европейских наук и транс-

* © Макаров А.Б., 2011

Макаров Андрей Борисович (galina@nts.hippo.ru), кафедра философии естественных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

**Работа поддержана ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы».

цендентальная феноменология», опубликованной в 1954 г. уже после его смерти. В ней он подвергает серьезной и острой критике научность всех наук. Гуссерль не противопоставляет философию естествознанию и научно-рациональному мышлению, а выступает с принципиальной идеей философии как точной науки. Он подчеркивает, что речь идет не о сфере специальных форм европейской культуры — о науке или о философии, существующих обособленно друг от друга: кризис философии совпадает с кризисом наук нового времени, понимаемых как звенья философской универсальности.

Если кризис европейской культуры заключается в том, что человеческий мир и существование утратили истинный смысл, то насколько в этом виновны естественные науки? На этот вопрос у Гуссерля трудно найти однозначный ответ. Кризис наук есть выражение радикального жизненного кризиса европейского человечества и одновременно его источник и причина. Именно математизированное естествознание, начиная с Галилея, осуществляет своего рода подмену единственно реального, данного в опыте мира миром идеальных сущностей. Основанием кризиса европейского человечества выступают объективация и натурализация жизненного мира; в процессе формирования классической физики научный разум сбился с пути. «Чтобы поставить такой диагноз, нужно быть уверенным в том, что научный разум в широком смысле слова составляет центральное ядро, душу европейской культуры и европейского человечества. И Гуссерль действительно в этом убежден», — подчеркивает П.П. Гайденко [1, с. 126].

В то же время сам Гуссерль обращает внимание, что заявление о кризисе какой-то науки ставит под сомнение, по крайней мере, ее подлинную научность, весь ее способ постановки задач и методологию. Это может относиться к философии, которой угрожает опасность впасть в скепсис, иррационализм и мистицизм. Но «независимо от того, представлена ли физика Ньютоном, Планком, Эйнштейном или будет представлена кем-то другим в будущем, физика была и остается точной наукой. И она останется ею, поскольку мы вправе думать, что никто не ожидает от нее создания абсолютного и окончательного стиля теоретизирования, да она и не стремится к этому» [2, с. 18]. Расколотость и смысловые метаморфозы мира были интеллектуальным результатом естественнонаучного метода. Поэтому кризис — это лишь «кажущееся крушение рационализма». В действительности «причина затруднений рациональной культуры заключается... не в сущности самого рационализма, но лишь в его овнешнении, в его извращении «натурализмом» и «объективизмом»... в отчуждении... рационального жизненного смысла» [2, с. 68–76].

Комментируя позицию Гуссерля, Л.А. Микешина пишет: «Высоко оценивая заслуги Галилея, Гуссерль вместе с тем полагает, что человеческий мир и существование теряют истинный смысл в этом мире фактичности. Естествознание как наука ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах, о смысле или бессмысленности всего человеческого существования. Наука утрачивает свою жизненную значимость, поскольку забыт смысловой фундамент естествознания. ...Он критикует философию Нового времени за то, что она, по существу, отождествила познание с его частным, хотя и важным видом — научным познанием, при этом имеется в виду именно математизированное естествознание» [3, с. 499]. Таким образом, кризис наук, с точки зрения Гуссерля, это, скорее, кризис узко понятого научного мировоззрения как результат применения естественнонаучного метода и соответствующего ему типа абстракции за пределами сферы его собственных возможностей. Однако нередко позиция Гуссерля интерпретируется и как требование преодолеть ограниченность классического естествознания, коренным образом изменить имманентные ему метод и тип абстракции. Основания для этого скрыты в противоречивости самой трансценден-

тальной феноменологии. Начиная как критик релятивизма и скептицизма, источником которых он считает субъективизм и психологизм, в конечном счете Гуссерль реабилитирует их и спасение видит в восстановлении утраченной связи науки с субъектом познавательной деятельности, т. е. в тех же субъективизме и психологизме, что вновь возвращает нас к релятивистской угрозе [1, с. 117, 130, 133]. В итоге, считает П.П. Гайденко, основное противоречие «кризиса» состоит в том, что сущностное измерение европейского духа философ видит в переходе от естественной установки (докса) к теоретической (эпистеме), породившем философию и науку, а тем самым и новую эру в жизни человечества. «Однако далее, в поисках причины, в силу которой человеческий разум впал в заблуждение, запутался в натуралистическом объективизме и утратил свою первоначальную свободу и силу, Гуссерль приходит к выводу, что она коренится в утрате естественно-практической установки, к которой человечество должно вернуться!» Этот жизненный мир есть не что иное, как мир прежней *dóxa* [1, с. 134].

В общем случае вопрос о кризисе науки имеет разветвленную логическую структуру. Схематически ее можно представить как две группы – внутренних и внешних по отношению к науке – проблем, связанных определенным пониманием ее сущности и смысла. В этой схеме возможны и в какой-то мере реализованы различные варианты критики науки как формы познания, мировоззрения и социального института. Во-первых, оспаривается особый когнитивный статус самой науки. Утверждается, что познавательная природа науки – это иллюзия наивного (метафизического) реализма: наука не познает мир, а конструирует его; не существует никаких преимуществ научного познания относительно других видов когнитивных практик; наука утратила свою познавательную природу. Во-вторых, отрицается ведущая роль науки в современном обществе: наука лишилась своей культурно-формирующей роли в силу собственной трансформации; она отыграла свою роль: изменившееся общество выдвигает другие ценности и задачи. В-третьих, науку обвиняют в том, что она является источником угроз, исходящих от научно-технического прогресса. В то же время вопрос о кризисе науки, рассмотренный в перспективе ее познавательной эффективности, есть вопрос о приоритете науки; а в перспективе ее ценности в глазах общества – вопрос прерогатив. В первом случае речь идет о том, что выработанные наукой средства и методы обеспечивают ей существенно большие, чем у других видов деятельности и типов знания, возможности в познании мира. Во втором – о том, что наука занимает привилегированное положение в культуре, определяемое признанием ее исключительной роли в становлении и развитии нашей цивилизации. Радикальная критика не ставит под сомнение, а решительно отвергает именно презумпцию приоритета и прерогатив науки, «научность» как таковую.

В этом отношении типичны рассуждения М.А. Жутикова. Качественный «излом» обнаруживается в самих предпосылках аналитического метода: научные технологии создают искусственные структуры, враждебные земной жизни, из чего следует, что их основания (абстракции, методы) «ложны в самом корне». Эксперимент в лучшем случае подтверждает некую фрагментарную истину, между тем как практическое опровержение идет по линии истины целостной. Тем самым отвергается «не Наука, а ее Великая Претензия: претензия на овладение истиной». Наука же лишь инструмент, отменить который не представляется ни возможным, ни необходимым [4, с. 148–149, 153]. Точки над «и» расставляет Г.Г. Копылов. Для того чтобы сохраниться в обществе, наука должна осознать себя «как структуру человеческой деятельности, исторически и социокультурно (но не природно! – М.А.) детерминированную и строящую свой искусственный мир в ряду иных» [5, с. 187]. «Натура умерла». И надо отказаться

от традиционных идей о единстве мира, реальности природы, объективной истине, «от которых гуманитарная практика уже отказывается» [5, с. 170, 185]. Это, конечно, не рецепт спасения, а похороны Науки – в одной могиле с Природой.

Радикальная культурцентристская критика науки неизбежно противоречива. Если мы признаем, что экспериментальное математизированное естествознание, парадигмальное для европейской науки в целом, является фундаментом, на котором построено наше общество, и одновременно утверждаем, что оно изначально несет на себе печать зла, то должны понимать: вместе с фундаментом рухнет и все здание культуры. Однако критики, требуя отмены науки как специфической формы познания, хотели бы оставить блага научно-технической цивилизации и не доходят до логически необходимого – при этих посылах – вывода о неизбежности коренной ломки устоев нашего жизненного мира, сохранением которого они, собственно, и озабочены.

С несколько иных (методологических и либерально-демократических) позиций решительно атакует науку П. Фейерабенд. Он демонизирует институциональную науку и предлагает изгнать ученых «из жизненных центров современного общества», предпочесть «знахарей» научной медицине [6, с. 7, 293] (в качестве наиболее весомого аргумента выдвигается собственный, индивидуальный опыт, что очень странно для методолога и «рационалиста в духе Лакатоса», каковым он настойчиво убеждает всех себя считать). Прежде всего, Фейерабенд требует предоставить доказательства преимуществ науки и возможность демократического выбора между различными когнитивными практиками. При этом рационально-научная аргументация будет логически некорректной, ведь «мы проверяем научные стандарты, поэтому не можем опираться на них в своих оценках» [6, с.107].

И все же рациональное обоснование приоритета научного познания по отношению к когнитивному содержанию иных практик существует в сфере философской рефлексии. Специально этими вопросами занимаются эпистемология и философия науки [см., напр., 7], но изредка на них обращают внимание и ученые. Вот мнение С. Вайнберга: «У нас просто нет другой альтернативы, кроме как решить, взвесив все как можно лучше», какие из идей заслуживают внимания. Величайшим подспорьем при вынесении этого суждения является наше понимание «связной сходящейся структуры научных объяснений» [8, с. 43], ибо автономных наук не бывает. А без такого объяснения никакие данные не вызывают у людей доверия.

Наука всегда связывала себя с объективностью, истиной и новым знанием как высшими ценностями. Какая еще деятельность ориентирована на поиск объективной истины и нового знания о мире? Наука – это своего рода машина познания. Есть другие (в каком-то отношении более важные, чем наука) формы мышления и деятельности, есть другие типы знания, но нет другой деятельности, сознательно ставящей себе задачу построения системной, объективной и обоснованной картины природы. В этой картине должны найти свое место общество и человек – в той мере, в которой они могут быть представлены как объекты. Научное познание не универсально. Это предельная, вырожденная форма отношения человека к миру. Но именно в этом кроется секрет ее эпистемической и практической эффективности. Можно отрицать смысл и значение такого рода занятия, но нельзя не замечать его *differentia specifica*. Познавательная сила науки исходит из ее картины мира, метода, идеалов и норм. В то же время они ограничивают ее экспансию, ее рабочую область: «Наука ставит сама себе непреодолимые границы» [9, с. 114], – говорит Макс Планк. Возмано отсюда и снисходительный тон Вайнберга: детальным анализом паранаук пусть занимаются те, у кого есть лишнее время.

Фейерабенд утверждает, что преимущество науки не обосновывается, а постулируется. Но, если строго логическое доказательство невозможно, то о каком обосно-

вании – кроме максимально тщательного, всестороннего обсуждения – идет тогда речь? Человечество практически определилось в ходе длительного, противоречивого развития; оно приняло решение. И это решение не навязано извне или коварными всевластными учеными, а есть его собственный исторический выбор. Не случайно, что Европа, породившая науку и опирающаяся на ее достижения, с Нового времени стала и до сих пор остается лидером современного мира.

Что касается участия граждан в обсуждении «прав» науки и принятии решений, то эти требования в значительной мере надуманны. Люди сравнивают и решают – рационально или эмоционально – в той мере, в которой им позволяет уровень реальной демократии. Участвуют не только на словах, но и на деле: руками, ногами, деньгами. Их голос не всегда бывает услышан, как и голос науки. Часто даже жизненно важные для человечества решения принимаются властными структурами по конъюнктурным экономическим, политическим, военным соображениям вопреки научным рекомендациям; требования (в том числе со стороны ученых) социальной, гуманитарной, экологической общественной экспертизы, учета долговременных последствий тех или иных технологических, инженерно-технических и других проектов попросту игнорируются. Но в этом вряд ли следует обвинять институционализированную науку или научный метод.

Реальность этого круга проблем трудно отрицать. И все же, возлагая ответственность за социальные неурядицы на естественные науки, радикальный критик рассуждает как завзятый сциентист, – отмечает И.Т. Касавин. В значительной мере речь идет не о науке, а о нашем понимании ее. Классическая эпистемология объединяла в себе противоречивые идеалы научной объективности и субъективного стремления к новому знанию, выходящего за рамки старых стандартов рациональности; социальной индифферентности науки и ее связи с общественным прогрессом. Когда же наука перестает мыслиться как монолит, определяемый исключительно стремлением к истине, можно прийти к выводу о кризисе науки, к отказу от классической теории познания. «Представление о кризисе науки имеет, таким образом, гносеологическую основу и состоит в смешении различных аспектов рассмотрения науки и приписывании одному из аспектов функции другого. ...На деле же понятие «кризис современной науки» выявляет лишь одно – понимание того тривиального факта, что наука не может заменить собой всю культуру и иные социальные структуры, хотя и оказывает на них существенное влияние» [10, с. 8–9].

И последнее. В чем-то, конечно, справедливы претензии Р. Рорти к науке: «Я спрашиваю о целях, а мне говорят о средствах». Но ведь надо знать, кого и о чем спрашивать. Цели же при отсутствии средств не более чем смутные грезы. Говоря словами А. Пуанкаре, человек не может быть счастлив наукой, но теперь он еще менее может быть счастлив без нее.

Библиографический список

1. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Э. Гуссерля // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 116–135.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб., 2004.
3. Микешина Л.А. Тенденции развития эпистемологии социального и гуманитарного знания // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 491–518.
4. Жутиков М.А. Научная картина мира как фактор его разрушения (взгляд на науку с точки зрения угнетенной природы) // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 144–153.

5. Копылов Г.Г. Искусственные миры науки и реальность // Наука: возможности и границы. М.: Наука, 2003. С. 169–187.
6. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 378 с.
7. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (к дискуссиям в современной эпистемологии). М., 2004. 242 с.
8. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Планк М. Единство физической картины мира. М.: Наука, 1966. 288 с.
10. Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. IV. № 2. С. 5–15.

*A.B. Makarov**

TO THE QUESTION OF PRIORITY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE, ITS PRIORITY AND PREROGATIVES OF SCIENCE

The main points of view on the problem of connection of the crisis of science with the crisis of culture are considered. It is shown, that the statements on the crisis of natural science are not justified, and the requirement of scientific proof of the advantages of science over other cognitive practices is logically not correct. The priority of science is determined and at the same time is limited by its own ideals and standards. Prerogative of science as a basis of economic and social development of modern civilization is not imposed to society from the outside, but are its historic choice.

Key words: crisis of science, priority of science, prerogatives of science, self-restraint of science, valuables of science.

* *Makarov Andrey Borisovich* (galina@nts.nippo.ru), the Dept. of Philosophy of Natural Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.